

ПРОЛОГ

Трудно представить, что эта фотография сделана за несколько дней до того злосчастного инцидента. На ней у всех троих счастливые, радостные лица. Лица людей, доверяющих друг другу. По-другому не скажешь. Фотографию сразу подарили настоятелю храма Тайсэндзи, и он до сих пор бережно хранит этот клочок картона.

Иппэй Кусакадо в белой в крапинку *юкате*¹, Юко в белом платье и Кодзи в белой рубашке поло и белых брюках стоят на причале у склада, где хранятся такелаж и снасти; они стоят под жарким летним солнцем, и на воду ложатся их тени. На фоне сияющей белизны рельефно выделяются лишь загорелые лица; снимок четкий, хотя кадр чуть размыт — немного сбился фокус. Впрочем, это неудивительно: они попросили лодочника сфотографировать их, и тот сделал снимок с борта своей мелкой посудины, а какой бы спокойной ни была вода, лодка все равно слегка покачивалась на волнах.

¹ *Юката* — легкое летнее кимоно. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Дело было в западной части Идзу¹, в маленьком рыбацком порту Иро, расположенном на восточном берегу глубокого залива. На западной стороне залив, примыкая к горам, раскинул в стороны похожие на щупальца рукава, окруженные каменной твердью. В порту была своя маленькая верфь, цистерны для горячего и два-три склада, где хранились сети и рыболовные снасти. По суше сюда было не попасть, поэтому от верфи до цистерн и от цистерн до складов местным жителям приходилось добираться на лодках.

Трое отчалили из гавани на маленькой лодке, и пирс, на который они взобрались, чтобы сфотографироваться, принадлежал одному из складов.

— Вон там будет идеально! Давайте там!

Юко стояла в лодке, пристроив на плече зонтик от солнца. Она уже выбрала место для съемки и издали отдавала распоряжения.

Был август, рыболовный сезон заканчивался; многие рыбаки уже перебирались к берегам Хоккайдо и побережью Санрику для лова сайры, поэтому за последнюю неделю лодок и баркасов в порту заметно поубавилось. Небольшой залив сразу стал как-то просторнее.

Уехали не только рыбаки. И Киёси, которому дали отпуск в силах самообороны, и Кими,

¹ Идзу — полуостров на тихоокеанском побережье острова Хонсю, на востоке префектуры Сидзуока.

Игры зверей

работавшая на фабрике музыкальных инструментов компании «Тэйкоку гакки», последовали примеру Мацукити, отправившегося ловить сайру, покинули родные места и вернулись в Хамамацу. Короткие летние романы закончились, и новая гавайская гитара с вырезанной на ней английской надписью, должно быть, сейчас лежала на коленях сидящего в казарме Киёси.

Кодзи протянул Иппэю руку, помог ему вылезти из лодки, и все трое забрались на причал, как будто нарушив своим вторжением хрупкий порядок, сложившийся на этой полоске бетона, выбеленной знойным солнцем уходящего лета, тонкий поэтический ландшафт, непривычный к человеческому присутствию.

Перед складским строением на бамбуковых стойках были небрежно развешены для просушки рыболовные сети — они удачно обрамляли пейзаж. Здесь же лежали мачта и смотанные швартовочные канаты. Вокруг царило спокойствие, навеявая воспоминания о морских прогулках и отдыхе после тяжелых трудов. Тихое дыхание ласкового бриза в солнечных лучах, выкрашенная в голубой цвет большая дверь склада, густые заросли высокой травы между складами, ниточки паутины между стеблями, белые цветы дикой хризантемы, пробившиеся сквозь трещины в бетонных плитах. Рыжие от ржавчины железки, ржавая проволока, крышка от садка для рыб, лесенка...

Юкио Мисима

Царила пугающая тишина; трое стояли и смотрели на поверхность моря, где отражались безмятежные облака и горы. Около причала, где вода была особенно прозрачной, отчетливо виднелась стайка мелких рыбешек, шнырявших среди бледных водорослей, а у самого берега дробились на тысячи осколков силуэты белых летних облаков.

Юко переступала по разложенным на земле сетям и вдруг остановилась, заметив похождение на кровь брызги на ослепительно сверкавшем на солнце бетоне. Кодзи тут же заявил:

— А, это красная охра. Красили что-то, вот и набрызгали.

Когда дрожащая тень от зонтика в руке Юко надвинулась на капли, они сразу почернели.

— Давайте здесь.

Кодзи, самый молодой из них, взялся руководить и поставил Иппэя и Юко перед первым складом. Юко пожаловалась, что за сетями их будет видно только по пояс.

— Вот и хорошо, — отрезал Кодзи. — Для художественности так и надо. Будем как три рыбки, попавшиеся в сети.

С этими словами он снял с плеча фотоаппарат и принялся его настраивать.

Он прав, подумала Юко. Три рыбки, угодившие в сети греха.

Иппэй, как всегда, повиновался и с неизменной улыбкой встал на свое место.

Ему исполнилось сорок. Лицо у него было худое, но с правильными чертами, со здоровой, гладкой и блестящей кожей. При ходьбе Иппэй прихрамывал на правую ногу, а медлительные и неловкие движения порой придавали ему утонченно-элегантный вид. Своей ухоженностью он целиком был обязан заботе и стараниям жены, Юко. Приглядевшись, можно было заметить, что свою вечную улыбку он носит как-то рассеянно, будто постоянно чем-то озадачен. Несмотря на неусыпный контроль жены, *юката* и пояс на Иппэе висели так, словно того и гляди свалятся к ногам. И не потому, что Иппэй не привык к такой одежде. Создавалось впечатление, будто тело и *юката* существуют как бы сами по себе, отдельно друг от друга.

Поддерживая мужа под руку, Юко повернулась к камере, к слепящему солнцу. Под его прямыми лучами ее лицо утратило подвижность и теперь походило на пустую и прозрачную поверхность зеркала.

Округлое, с красивыми чертами лицо Юко лишь немного портили тонкие губы. Любые страдания она умела скрыть легким макияжем, но при этом казалось, будто она, сиюминутно глотнув воздуха, изо рта извергает тихое, невидимое пламя — ну когда же кончится это мучение?! Одним словом, она не создана была молча терпеть пытку. Ее большие влажные глаза, пухлые щеки, нежные мочки ушей и даже слегка задумчивая улыбка, когда она отвечала Кодзи, — все свидетельствовало о душевных муках. Тем не менее Юко вовсе не выглядела усталой — ее невероятной стойкости и выдержке можно было позавидовать.

— Еще не готово? — поинтересовалась Юко, складывая зонтик. Она произнесла это грудным чувственным голосом, вызывавшим в воображении образ маленькой комнаты, пропитанной запахом перестоявших цветов.

Кодзи протянул руку, передал фотоаппарат старому Тэйдзиро, стоявшему в лодке, объяснил, как устанавливать выдержку. Загорелый дочерна Тэйдзиро в одних трусах до колен и с головой, обмотанной полотенцем, уткнулся в видоискатель с таким видом, будто высматривал рыбу в прозрачном стеклянном аквариуме.

Кодзи проворно подскочил к стоявшей перед складом паре, пристроился рядом с Юко и, как будто так и надо, приобнял ее за глад-

Игры зверей

кое плечо. Она столь же естественным жестом взяла правую руку мужа, застывшего слева от нее, и положила себе на другое плечо.

— Какой яркий свет, прямо ослепляет, — проговорил Кодзи. — Еще чуть-чуть.

— Ну да, еще чуть-чуть, — проворковала Юко, стараясь не засмеяться и удержать выражение лица, приготовленное для фотоснимка. А потом добавила, едва приоткрывая тонкие губы: — Было бы здорово так же и могилы устроить — три рядом...

Двое мужчин не ответили — видимо, не расслышали, что она сказала.

Внизу, у причала, Тэйдзиро все еще тщательно готовился к съемке. Стараясь не раскачивать лодку, старый рыбак крепко упирался ногами в ее дно; мышцы на его плечах бугрились и блестели в лучах солнца.

Несмотря на тишину, плеск воды гармонично вплетался в воздух, и трое на причале не слышали щелчков затвора.

Иро — типичная рыбацкая деревушка, но на востоке, ближе к горам, простираются возделанные поля. Если пройти мимо почты, ряды домов вскоре кончатся и дорога через рисовые поля приведет к деревенскому святилищу. А если повернуть направо, поднимешься прямоком к новому кладбищу на горном склоне.

У подножия горы струится ручеек, а за ним начинается лабиринт могил, достигающий середины склона. Чем ниже по склону, тем лучше надгробия — и камни больше, и обустроены захоронения красивее. Здесь дорога превращается в узкую, посыпанную галькой тропинку, которая, петляя между могилами, тянется вверх. Каменная стена перед рядами могил начала осыпаться, в щелях между обвалившимися камнями прочно укоренились летние травы. На горячем булыжнике, расправив сухие крылья, музейным экспонатом застыла стрекоза. В воздухе пахнет чем-то похожим на лекарства. Вместо бамбуковых и каменных ваз в этих краях используют наполовину зарытые в землю пивные банки; вода в них помутнела, во многих торчат засохшие ветки бадьяна.

Игры зверей

Человек, который поднимется сюда до заката, не испугавшись туч комаров, будет вознагражден замечательным видом на Иро.

За зелеными рисовыми полями виден храм Тайсэндзи. Дальше, на южном склоне горы, мерцают в лучах заходящего солнца остатки стекол заброшенных теплиц, принадлежавших семье Кусакадо. Чуть в стороне виднеется черепичная крыша их опустевшего дома.

На западе мимо маяка ползет по заливу черный силуэт небольшого грузового судна. Видимо, оно следует из Осаки, везет железную руду из шахт Тои и сделает остановку в порту Иро. Его мачта бесшумно проплывает мимо крыш домов; в рассеянном вечернем свечении она ярче, чем луч маяка, и отсюда, с высоты, видна лишь эта узкая полоска.

Из домов отчетливо слышны звуки работающего телевизора. Из громкоговорителя рыболовецкого кооператива по горному склону разносится голос: «Членам команды „Кокурамару“! Всем собраться завтра после завтрака. Готовимся к отплытию».

О приближении ночи можно судить по лучу маяка, который с каждой минутой сияет все ярче. В сумерках надписи на надгробиях почти не разобрать. Захоронение семьи Кусакадо, затерявшееся в углу кладбища среди других могил, отыскать нелегко. Вопреки протестам большинства жителей деревни настоятель

Юкио Мисима

храма Тайсэндзи на вверенные ему деньги соорудил такие надгробия, о каких его попросили. В маленьком углублении на склоне горы тесно прижались друг к другу три небольших новых камня. Справа похоронен Иппэй. Слева — Кодзи. И в центре между ними — надгробие Юко. Даже в сумерках оно выглядит нарядно — на камне киноварью написано ее посмертное буддийское имя. Под этим камнем, в отличие от двух других, прах пока не лежит.

Краска еще свежая, и, когда спускаются сумерки, на фоне множества белых могил выделяется только эта надпись, напоминающая о яркой помаде на тонких губах Юко.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кодзи размышлял о солнечном свете, яркие лучи которого заливали проход к душевым кабинам, каскадом падали на подоконник, растекаясь по нему, как по листу глянцевой белой бумаги. Он с почтением и любовью относился к льющемуся через окно свету, хотя сам не знал, чем вызвано это чувство. Свет — божественное благоволение, нечто по-настоящему чистое, девственное, как расчлененное белое тело убитого младенца.

Лето только начиналось. Облокотившись на парапет верхней палубы, Кодзи удивлялся, что благодатные лучи утреннего солнца, в которых купалось его тело, в это же мгновение где-то далеко-далеко сливаются со слабым светом его разрозненных возвышенных воспоминаний. Трудно поверить, что и те и другие лучи состоят из одного вещества.

Способен ли взгляд, проследовав за этими всепроникающими лучами, дотянуться до их чистейших кончиков, подобно тому как рука, что тянется к большому сияющему знамени, в конце концов касается кончиками пальцев

его прохладной бахромы? И если способен, являются ли эти чистые кончики конечной точкой солнечных лучей? Или же на самом деле они — далекий источник неиссякаемого солнечного света у нас перед глазами?

Кодзи стоял на борту «Рюгу-мару № 20», следовавшего вдоль западного берега из Нумадзу до Идзу. На верхней палубе спинками друг к другу стояли скамейки, пассажиров было мало, брезентовый тент, защищавший от солнца, хлопал на ветру. На берегу высились причудливой формы скалы, похожие на черные средневековые замки, высоко в небе беспорядочно сновали яркие кучевые облака.

Волосы Кодзи еще не отросли настолько, чтобы их потревожил настойчивый ветер. Его облик — лицо с правильными и твердыми чертами, подобное лицу средневекового самурая, и хрящеватый нос — свидетельствовал о том, что он умеет без труда контролировать эмоции, и в то же время указывал на скрытную натуру. Когда Кодзи пребывал в хорошем расположении духа, он думал, что его лицо похоже на искусно сделанную резную деревянную маску.

Дымившаяся сигарета не доставляла особого удовольствия. Ветер сразу уносил аромат дыма и вкус табака. Но Кодзи не выпускал сигарету изо рта и продолжал глубоко затягивать-